

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.03.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 01.04.2026 г.

БУЛАКОВ Олег Николаевич,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры публичной власти и правового положения личности,

Институт Правоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),

Москва, Россия,

e-mail: bulakov62@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Аннотация. В статье исследуются конституционно-правовые основы реализации прав человека в Российской Федерации. Обосновывается, что современная модель правового статуса личности в России строится на аксиологическом приоритете человека, его прав и свобод, непосредственном действии конституционных норм, связанности публичной власти правами и свободами, а также на наличии разветвленной системы институциональных и процессуальных гарантий. Показано, что реализация прав человека не исчерпывается их нормативным закреплением в Конституции Российской Федерации, а предполагает сложный механизм правового обеспечения, включающий законодательную конкретизацию, административные процедуры, судебную защиту, деятельность Уполномоченного по правам человека, институт общественного контроля и систему бесплатной юридической помощи. Особое внимание уделено правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, раскрывающим содержание достоинства личности, права на обращение, свободы передвижения и права на судебную защиту.

Ключевые слова: Конституция, права человека, конституционные гарантии, достоинство личности, судебная защита, Конституционный Суд, Уполномоченный по правам человека, общественный контроль.

BULAKOV Oleg Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor,

Professor, Department of Public Authority and Legal Status of the Individual,

Institute of Law, Russian State University for the Humanities (RSUH),

Moscow, Russia

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS FOR THE IMPLEMENTATION OF HUMAN RIGHTS IN RUSSIA

Annotation. This article examines the constitutional and legal foundations for the implementation of human rights in the Russian Federation. It is argued that the modern model of the legal status of the individual in Russia is based on the axiological priority of the individual, their rights and freedoms, the direct application of constitutional norms, the connection of public authority with rights and freedoms, and the existence of a comprehensive system of institutional and procedural guarantees. It is shown that the realization of human rights is not limited to their legal enshrinement in the Constitution of the Russian Federation, but rather requires a complex mechanism of legal support, including legislative specification, administrative procedures, judicial protection, the activities of the Human Rights Commissioner, the institution of public oversight, and a system of free legal aid. Particular attention is paid to the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which elucidate the essence of individual dignity, the right to petition, freedom of movement, and the right to judicial protection.

Key words: Constitution, human rights, constitutional guarantees, individual dignity, judicial protection, Constitutional Court, Human Rights Commissioner, public oversight.

Введение

Конституционно-правовые основы реализации прав человека в России образуют один из центральных институтов современного российского консти-

туционализма. Это объясняется тем, что в действующей Конституции Российской Федерации именно человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью, а их признание, соблюдение и за-

щита возложены на государство как на его прямую обязанность [1]. Тем самым права и свободы выступают не периферийным, а системообразующим элементом конституционного строя, определяющим пределы публичной власти, смысл законодательства, содержание правоприменения и направление судебного контроля. Конституционный Суд Российской Федерации последовательно исходит из того, что достоинство личности и права человека образуют фундамент всей государственно-правовой организации, а гражданин не может рассматриваться как объект государственной деятельности, но должен восприниматься как равноправный субъект публично-правовых отношений [10; 18].

Для российской правовой системы принципиально важно, что права и свободы человека не только закреплены в главе 2 Конституции Российской Федерации, но и признаны непосредственно действующими. Согласно статье 18 Конституции Российской Федерации именно права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием [1]. Это означает, что Конституция не ограничивается декларативным перечислением прав; она задает обязательный нормативный стандарт для всех ветвей власти. Следовательно, реализация прав человека должна пониматься как процесс претворения конституционных предписаний в фактическое поведение государства, общества и личности, а не как простое наличие текста Основного Закона [1; 14–18].

В научной литературе обоснованно проводится различие между закреплением, обеспечением, охраной и защитой прав личности. Закрепление означает их нормативное признание; обеспечение — создание условий для использования прав; охрана — предупреждение нарушений; защита — восстановление нарушенного состояния и применение юридических средств реагирования [15; 17]. В этом смысле реализация прав человека в конституционном государстве всегда имеет комплексный характер. Она невозможна без точной законодательной конкретизации содержания прав, без процедур доступа к компетентным органам, без эффективного судопроизводства и без развитой системы правовых средств, позволяющих человеку оспаривать действия публичной власти. Иначе говоря, права человека становятся реально действующими лишь тогда, когда между конституционной нормой и жизненной ситуацией существует работающий юридический механизм ее воплощения [14–18].

1. Ценностные и нормативные основы конституционного статуса личности

В российской конституционной модели права человека имеют не только юридическое, но и выраженное аксиологическое значение. Статья 2 Конституции Российской Федерации закрепляет приоритет человека и его прав, статья 17 — неотчуждаемость и принадлежность прав каждому от рождения, статья

19 — равенство всех перед законом и судом, статья 21 — охрану достоинства личности, статья 45 — государственную защиту прав и свобод, статья 46 — судебную защиту, статья 55 — пределы ограничения прав федеральным законом [1]. Совокупность этих положений формирует каркас реализации прав человека, в котором свобода не противопоставляется государству, а получает институциональную поддержку именно через государственно-правовые механизмы. Ограничения прав допустимы только при соблюдении требований необходимости, соразмерности и конституционно значимой цели, что неоднократно подчеркивалось в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации [10; 11; 12].

Особое место в системе конституционных ценностей занимает достоинство личности. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что статья 21 Конституции Российской Федерации требует рассматривать гражданина не как объект государственной деятельности, а как равноправного субъекта, обладающего самостоятельной ценностью [18]. Из этого вытекает не только запрет унижающего достоинство обращения, но и более широкий стандарт отношения государства к личности: публичная власть обязана выстраивать процедуры таким образом, чтобы человек сохранял возможность быть выслушанным, влиять на решения, затрагивающие его правовую сферу, и получать эффективные средства восстановления нарушенного права. Следовательно, конституционно-правовая реализация прав человека невозможна без процедур, уважающих автономию личности и ее правовой голос [10; 18].

Наряду с достоинством фундаментальное значение имеет принцип равенства. Равенство перед законом и судом не означает механического единообразия правового регулирования; оно требует, чтобы различия в положении субъектов имели объективное и разумное оправдание, а любые ограничения основывались на конституционно допустимых критериях [1; 16]. Для реализации прав человека это имеет непосредственное значение, поскольку неравенство часто проявляется не на уровне формулировки права, а на стадии доступа к процедуре: к правосудию, к социальной поддержке, к юридической помощи, к возможности подать обращение либо жалобу. Поэтому конституционное равенство должно пониматься не только как запрет дискриминации, но и как требование выравнивания реальных процессуальных возможностей для осуществления прав [15–17].

Положения главы 2 Конституции Российской Федерации образуют в своем единстве целостный правовой статус личности. Их значение определяется тем, что они обладают повышенной юридической устойчивостью и не могут быть произвольно пересмотрены в порядке обычной законодательной процедуры [1]. Такая конституционная защита обеспечивает стабильность базовых правовых ориентиров и препятствует их ведомственной или ситуатив-

ной эрозии. Вместе с тем сама по себе устойчивость конституционного текста еще не гарантирует эффективную реализацию прав. Требуется постоянное согласование отраслевого законодательства и правоприменительной практики с аксиологией и смыслом конституционных положений [14; 16; 17].

2. Прямое действие Конституции и законодательная конкретизация прав

Одной из важнейших особенностей российской конституционной модели является признание непосредственного действия прав и свобод. Эта формула означает, что права человека должны учитываться не только законодателем, но и любым правоприменителем, включая суд, администрацию и иные органы публичной власти [1; 7]. Прямое действие Конституции не исключает необходимости детализации прав в федеральных законах; напротив, оно требует, чтобы такая детализация не искажала конституционное содержание права и не превращала его в декларацию. Именно поэтому российская конституционная доктрина рассматривает законодательную конкретизацию как производную по отношению к Конституции, а не как автономный источник объема прав [14; 16].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 сыграло важную роль в утверждении практики прямого применения Конституции судами [7]. Высшая судебная инстанция подчеркнула, что правосудие должно обеспечивать надлежащую защиту прав и свобод, а суд вправе опираться на конституционные нормы в случаях, когда закон противоречит Конституции, отсутствует необходимое регулирование либо закон требует конституционно-сообразного толкования [7]. Тем самым был заложен принцип, согласно которому Конституция не является лишь программным актом, а выступает непосредственно применимым источником судебной аргументации. Практическое значение этой позиции трудно переоценить: она препятствует подмене конституционных гарантий усмотрением текущего законодательства и позволяет личности ссылаться на Основной Закон как на реальный юридический ресурс [1; 7; 16].

Одновременно прямое действие Конституции не освобождает государство от обязанности создавать детально урегулированные и понятные процедуры реализации прав. Без развитого законодательства право нередко остается слишком общим и потому недостаточно пригодным для повседневного применения. Так, право на обращение, на получение бесплатной юридической помощи, на участие в общественном контроле, на доступ к информации или на судебную защиту нуждается в особых механизмах подачи заявлений, сроках, правилах компетенции, стандартах рассмотрения и обжалования [4–6]. Иначе говоря, реальность конституционного права определяется не только его высотой в иерархии норм, но и качеством процессуальной инфраструктуры, через которую оно осуществляется.

Для российской практики характерно, что мно-

гие нарушения прав возникают не на уровне их формального отрицания, а в форме процедурного усложнения. Право не запрещается, но его реализация ставится в зависимость от многочисленных справок, подтверждений, согласований, территориальных барьеров и цифровых фильтров. Поэтому важнейшей задачей конституционно-правового развития становится перевод правовой материи из состояния признанного права в состояние доступного права. Именно процедурная доступность является главным показателем зрелости современного правового государства [15–18].

3. Институциональные гарантии реализации прав человека

Реализация прав человека в России обеспечивается не только Конституцией как нормативным актом, но и системой государственных и общественных институтов. Ключевое значение имеет сама организация публичной власти, поскольку статья 2 Конституции Российской Федерации связывает государство обязанностью признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина [1]. Это означает, что все органы публичной власти — законодательные, исполнительные, судебные, федеральные и региональные — должны рассматривать защиту прав не как факультативную социальную функцию, а как конституционное содержание своей деятельности.

В системе институциональных гарантий особая роль принадлежит Президенту Российской Федерации как гаранту Конституции, прав и свобод человека и гражданина [1]. Однако конституционная функция гарантирования не должна пониматься в сугубо символическом смысле. Она выражается в формировании государственной правовой политики, в определении общих ориентиров деятельности органов власти, в использовании кадровых, контрольных и координационных механизмов, обеспечивающих устойчивость конституционного пространства прав человека. Вместе с тем подлинная реализация прав зависит не от декларации гарантирования, а от того, насколько последовательно эти ориентиры трансформируются в административные процедуры, стандарты оказания публичных услуг и судебную практику [14; 16].

Существенное место занимают законодательные гарантии. Федеральное Собрание Российской Федерации, принимая федеральные законы, должно не только регулировать конкретные общественные отношения, но и сохранять конституционный баланс между публичным интересом и автономией личности. От качества закона в значительной степени зависит, станет ли право реально осуществимым либо окажется чрезмерно ограниченным за счет расплывчатых полномочий администрации и неопределенных процедур. В этом смысле законодатель выступает не только творцом нормы, но и ответственным субъектом за уровень правовой определенности и предсказуемости механизма реализации прав [15–17].

Исполнительная власть, в свою очередь, играет

решающую роль на стадии практического доступа человека к государственным услугам, социальным гарантиям, разрешительным процедурам, регистрационным действиям, рассмотрению жалоб и обращений. Именно здесь чаще всего выявляется разрыв между конституционным признанием права и фактической возможностью им воспользоваться. Даже самая совершенная законодательная формула теряет эффективность, если административная практика перегружена формализмом, закрытостью либо несоразмерными требованиями к гражданину. Поэтому современная доктрина реализации прав справедливо акцентирует внимание на качестве административных процедур как самостоятельного показателя соблюдения Конституции [4; 15; 17].

4. Право на обращение и административно-процедурное измерение прав человека

Право на обращение является одной из базовых форм реализации прав человека в публично-правовой сфере. Оно позволяет личности вступать в юридически значимый диалог с государством, сообщать о нарушениях, ставить вопросы, затрагивающие общественный и личный интерес, добиваться пересмотра решений и получать мотивированный ответ [1; 4]. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ закрепляет право граждан направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы, органы местного самоуправления и должностным лицам [4]. Тем самым обращение выступает не вспомогательной бюрократической процедурой, а самостоятельным конституционным механизмом участия личности в публичной жизни.

Особое значение права на обращение подтверждено новейшей практикой Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 4 декабря 2025 г. № 43-П Суд отметил, что конституционное право граждан на обращение в совокупности с другими элементами правового статуса позволяет человеку влиять на деятельность публичной власти и добиваться устранения выявленных нарушений [10]. Данная правовая позиция имеет более широкое значение, чем разрешение конкретного спора: она подчеркивает, что для современного конституционного строя обратная связь между государством и личностью является не факультативным сервисом, а обязательным признаком демократического правопорядка [10; 16].

Административно-процедурное измерение реализации прав человека нередко недооценивается в теории. Между тем именно через обращение человек наиболее часто сталкивается с государством: при защите социальных прав, в вопросах жилища, образования, здравоохранения, миграции, пенсий, регистрации, земельных и коммунальных споров. Если процедура рассмотрения обращения затянута, непрозрачна или сводится к формальной отписке, это деформирует не только отдельную административную практику, но и само конституционное содержание права. Следовательно, право на обращение должно оцениваться с позиции его эффективности:

реального срока ответа, мотивированности решения, доступности формы подачи и последующего обжалования [4; 10].

В современных условиях особое значение приобретают электронные формы обращения. Они способны упростить взаимодействие гражданина с государством, снизить территориальные барьеры и ускорить коммуникацию. Однако цифровизация не должна создавать новые формы исключения: право на обращение не может зависеть от уровня цифровой грамотности, наличия технических средств либо устойчивого интернет-доступа. Поэтому электронные каналы должны дополнять традиционные способы обращения, а не вытеснять их, иначе формально расширенный доступ превратится в скрытое ограничение конституционного права [4; 13; 17].

5. Право на судебную защиту и роль судов в обеспечении прав человека

Центральным механизмом реализации прав человека в конституционном государстве является судебная защита. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод [1]. Данная гарантия охватывает не только возможность обратиться в суд, но и право на справедливую, эффективную и исполнимую процедуру. Без судебной защиты все иные формы обеспечения прав — административные, контрольные, посреднические — в конечном счете лишаются окончательной юридической опоры [1; 7; 12].

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 февраля 2026 г. № 6-П специально подчеркнул, что право на судебную защиту предполагает обеспечение всем субъектам права доступа к правосудию [12]. Эта формула принципиальна: защита права не исчерпывается формальным существованием судебной системы. Она включает фактическую возможность подать иск или жалобу, преодолеть процессуальные барьеры, получить рассмотрение дела в разумный срок и добиться исполнения судебного акта. Исполнение решения, таким образом, является не внешним по отношению к правосудию элементом, а его завершающей стадией [12].

Для российской практики остается актуальной проблема чрезмерного процессуального формализма. Даже при наличии материально обоснованного требования гражданин может столкнуться с отказом в принятии заявления, возвращением документов, неподсудностью, сложностями с подсчетом сроков либо чрезмерной сложностью формы обращения. Верховный Суд Российской Федерации в 2026 г. указал, что формальная ошибка в иске не должна автоматически лишать гражданина права на судебную защиту [7]. Эта позиция заслуживает поддержки, поскольку конституционное право на суд принадлежит человеку, а не идеально оформленному документу. В условиях, когда многие лица не обладают профессиональной юридической подготовкой, процесс должен быть построен так, чтобы обеспечивать доступность правосудия, а не превращаться в систему

формальных фильтров [5; 7; 12].

Значение судебной защиты особенно велико для реализации социальных и публичных субъективных прав, поскольку именно здесь гражданин часто оказывается в асимметричном отношении с государством. Спор о пенсии, пособии, инвалидности, предоставлении жилья, медицинской помощи, обжаловании бездействия органа власти или отказа в услуге — это не просто частный конфликт, а проверка того, насколько конституционное государство способно обеспечить фактическую достижимость обещанных прав. В этом смысле суд является не только органом разрешения спора, но и важнейшим корректором административной практики [1; 5; 12; 16].

6. Конституционный Суд Российской Федерации как гарант прав и свобод

Особое место в механизме реализации прав человека занимает Конституционный Суд Российской Федерации. Его функция состоит не просто в абстрактной проверке законов, а в восстановлении конституционного содержания права в тех случаях, когда законодательное либо правоприменительное решение искажает его смысл [2; 16]. Конституционный контроль позволяет устранить из правовой системы неконституционные барьеры, скорректировать чрезмерные ограничения и сформулировать обязательные ориентиры для дальнейшего правоприменения.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации часто раскрывают не только пределы допустимого ограничения права, но и позитивные обязанности государства по созданию условий для его реализации. В этом проявляется современное понимание конституционной юстиции: она защищает не только пространство свободы от вмешательства, но и минимальные стандарты организационной и процедурной обеспеченности права [16; 18]. В условиях усложнения государственного управления такая коррекция особенно важна, поскольку многие ограничения возникают не в прямой законодательной форме, а через сложные регламенты, ведомственные практики и пробелы в процедурах.

Новейшие решения Конституционного Суда Российской Федерации демонстрируют тенденцию к более детальной процессуализации прав человека. Так, в Постановлении от 3 февраля 2026 г. № 4-П, раскрывая содержание статьи 27 Конституции Российской Федерации, Суд подтвердил, что свобода передвижения принадлежит каждому, кто законно находится на территории Российской Федерации [11]. В Постановлении от 11 февраля 2026 г. № 6-П право на судебную защиту было интерпретировано через категорию реального доступа к правосудию [12]. Ранее в правовых позициях о достоинстве личности Суд неоднократно подчеркивал, что человек в отношениях с государством не может рассматриваться как объект публичного воздействия [18]. Эти

ориентиры имеют общее значение для всей системы правоприменения: они требуют исходить из приоритета личности и сущностного содержания права, а не из удобства ведомственной практики.

Следует подчеркнуть и еще один аспект. Конституционный Суд Российской Федерации влияет на реализацию прав человека не только через постановления по конкретным делам, но и через общую конституционную аргументацию, формирующую стандарт юридического мышления. В этом проявляется его доктринальная роль: он воспроизводит и закрепляет в публичном праве язык достоинства, соразмерности, правовой определенности, доверия к закону, баланса частного и публичного интереса. Без такой аргументации конституционный контроль рисковал бы превратиться в узкоспециальную процедуру, оторванную от общей культуры прав человека [16; 18].

7. Уполномоченный по правам человека, бесплатная юридическая помощь и общественный контроль

Система реализации прав человека в России не исчерпывается судебной защитой. Значимую роль играет институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, правовой статус которого определен Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ [3]. Само существование этого института свидетельствует о стремлении законодателя создать особый механизм связи между личностью и государством, позволяющий фиксировать системные нарушения, реагировать на обращения граждан, осуществлять посредничество между человеком и органами власти и инициировать правовое совершенствование.

Официальные данные о деятельности Уполномоченного по правам человека показывают устойчивую востребованность данного института. Согласно сообщениям на официальном сайте, в 2024 году количество обращений к федеральному омбудсмену выросло на треть и достигло 126 тысяч, а помощь в восстановлении прав была оказана более чем 104 тысячам человек [13]. Эти цифры важны не сами по себе, а как индикатор того, что значительное число граждан либо не может эффективно реализовать свои права через обычные административные каналы, либо нуждается в дополнительной институциональной поддержке при защите уже нарушенных интересов.

Содержание ежегодных докладов Уполномоченного также позволяет выявить наиболее проблемные сегменты правового статуса личности. Значительный массив обращений связан с реализацией социальных, трудовых, жилищных и пенсионных прав, а также с доступом к медицинской помощи, образованию и справедливым административным процедурам [13]. Это подтверждает принципиально важный вывод: в современной России центральное место в повестке реализации прав человека занимают не только классические гражданские и политические свободы, но и вопросы социальной защищенности,

доступности государственных услуг и качества правоприменения.

Большое значение имеет и институт бесплатной юридической помощи. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ закрепляет право граждан на получение бесплатной юридической помощи в случаях и порядке, предусмотренных законом [5]. Данный институт имеет не только социальное, но и конституционное измерение, поскольку без доступа к профессиональной правовой помощи право на обращение, на защиту, на обжалование и на судебное представительство может оставаться номинальным. Особенно это касается социально уязвимых категорий граждан, для которых стоимость квалифицированной юридической поддержки становится фактическим барьером к осуществлению права [5; 15].

Смежным по значению выступает общественный контроль. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ установил основы общественного контроля в Российской Федерации [6]. Его значение состоит в том, что реализация прав человека не может быть целиком замкнута внутри государственной машины; она требует и участия институтов гражданского общества, способных выявлять системные нарушения, мониторировать деятельность учреждений, формировать общественный запрос на соблюдение конституционных стандартов. Через общественный контроль права человека получают коллективное измерение и дополнительную вневедомственную защиту [6; 15; 17].

8. Социальные права как особая сфера конституционной реализуемости

Особого внимания заслуживает вопрос о реализации социальных прав. Российская Конституция закрепляет право на социальное обеспечение, охрану здоровья, образование, жилище, труд, защиту семьи, материнства, отцовства и детства [1]. В отличие от многих гражданских свобод, социальные права требуют не только воздержания государства от вмешательства, но и позитивных действий: финансирования, организационного обеспечения, создания инфраструктуры, административных процедур допуска к благам. Именно поэтому социальные права наиболее остро демонстрируют различие между нормативным признанием и фактической реализуемостью [15–17].

Конституционно-правовая природа социальных прав долгое время была предметом дискуссий. Однако современная доктрина и практика исходят из того, что они не могут рассматриваться как политические обещания без юридического содержания. Хотя конкретный объем социальных гарантий зависит от экономических возможностей государства и законодательной конкретизации, само право не теряет своего конституционного характера. Это означает, что законодатель и правоприменитель связаны требованиями разумности, справедливости, соразмерности и недопустимости произвольного снижения уже достигнутого уровня защиты [14; 16; 17].

На практике основные трудности возникают в

сфере критериев предоставления социальных благ, доказательственных требований, территориальной привязки услуг, цифровизации социальной сферы и сложности процедур обжалования. Гражданин нередко оказывается в положении, когда право формально существует, но его реализация затруднена обилием ведомственных требований, межведомственной несогласованностью и необходимостью многократного подтверждения уже имеющихся сведений. С конституционной точки зрения подобное положение является проблематичным, поскольку чрезмерная бюрократизация способна свести на нет саму социальную функцию права [5; 13; 15].

В этом контексте конституционная реализация социальных прав предполагает не только наличие бюджетного ресурса, но и такую организацию процедуры, при которой гражданин не несет неоправданное бремя доказывания, поиска информации и преодоления ведомственных барьеров. Чем более уязвима соответствующая категория населения, тем выше должна быть ответственность государства за понятность и доступность правового механизма. Социальное государство, провозглашенное Конституцией Российской Федерации, проявляется прежде всего не в объемах лозунгов, а в способности правовой системы превращать конституционные гарантии в простые и работоспособные процедуры [1; 15; 17].

9. Международно-правовой компонент и изменение внешнего контура защиты прав

Конституционно-правовые основы реализации прав человека в России традиционно включали и международно-правовой компонент. Конституция Российской Федерации закрепляет включенность международных договоров Российской Федерации в национальную правовую систему, а Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 разъяснил судам правила применения общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации [1; 8]. В течение длительного времени это означало, что защита прав человека в России осуществлялась в логике сочетания внутренних и внешних механизмов интерпретации и контроля.

После прекращения участия Российской Федерации в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод с 16 сентября 2022 года конфигурация правозащитного пространства изменилась. Совет Европы официально указал, что Россия перестала быть стороной Конвенции с этой даты, хотя Европейский суд по правам человека сохранял компетенцию по жалобам, касающимся событий, имевших место до 16 сентября 2022 года [8]. В результате объективно возросла нагрузка на внутренние конституционные механизмы: именно национальные институты стали окончательным и основным пространством защиты большинства правовых притязаний.

Это изменение не означает исчезновения международно-правового измерения как такового. Рос-

сия продолжает участвовать в ряде международных договоров о правах человека, а суды и правоприменители сохраняют обязанность учитывать общепризнанные принципы международного права в пределах действующей конституционной модели [1; 8]. Однако практически это приводит к более высокой ответственности внутреннего законодателя, судов и иных органов за качество национальных гарантий. Если прежде часть дискуссий о стандартах справедливого процесса, допустимости ограничений и защите частной жизни поддерживалась внешней прецедентной средой, то теперь эти вопросы в большей степени должны разрешаться средствами внутреннего конституционного правопорядка [8; 16].

Следовательно, современный этап развития российского конституционализма требует укрепления внутренних механизмов реализации прав не в качестве временной компенсации, а как самостоятельной стратегии. Сильное национальное правовое государство предполагает такие институты, которые обеспечивают защиту личности прежде всего собственными силами — за счет качества Конституции, закона, суда, юридической помощи и административной процедуры [1; 2; 7; 8].

10. Современные проблемы реализации прав человека в России

Современные проблемы реализации прав человека в России связаны прежде всего с тем, что нормативное признание прав во многих случаях опережает качество процедур их осуществления. К числу таких проблем относятся правовая фрагментация гарантий, перегруженность и сложность административных и судебных процедур, неодинаковый региональный уровень доступности правовой помощи, цифровое неравенство, а также сохраняющийся формализм в правоприменении [4; 5; 7; 13; 15–17]. Даже там, где право закреплено ясно, человек может сталкиваться с существенными транзакционными издержками: необходимостью собирать многочисленные документы, обращаться в несколько инстанций, компенсировать информационную асимметрию за свой счет и нести расходы, несоразмерные ценности защищаемого интереса.

Особую актуальность приобретают риски цифровой трансформации публичного управления. Электронные сервисы, личные кабинеты, дистанционные формы подачи заявлений и жалоб объективно расширяют возможности гражданина, но одновременно способны создавать новые барьеры. Отсутствие устойчивого интернет-доступа, недостаточная цифровая грамотность, технические сбои, невозможность оперативно получить очную помощь или представить документы в ином формате приводят к тому, что часть населения оказывается в менее благоприятном положении. Следовательно, цифровизация должна рассматриваться через призму конституционного равенства: технологическое развитие допустимо лишь постольку, поскольку оно не ведет к фактической дискриминации уязвимых групп [4; 5; 13].

Не менее значимой остается проблема территориального неравенства. Реализация права в крупном городе и в отдаленном районе нередко различается по скорости, качеству юридической помощи, доступности суда, наличию профильных специалистов, устойчивости связи и уровню правового информирования населения. Формально единая Конституция и единое федеральное законодательство должны обеспечивать равный стандарт правового статуса личности на всей территории страны. Однако фактическая неоднородность инфраструктуры приводит к тому, что конституционные гарантии реализуются с разной степенью полноты. Преодоление этого разрыва требует не только нормотворчества, но и продуманной организационной политики государства [1; 5; 13; 15].

К числу системных проблем относится и дефицит конституционной культуры правоприменения. Реализация прав человека зависит не только от числа гарантий и институтов, но и от того, воспринимает ли правоприменитель право личности как исходную презумпцию либо как препятствие для ведомственной целесообразности. Если доминирует второе, то даже формально безупречные законы превращаются в инструмент ограничения. Поэтому развитие конституционных основ реализации прав предполагает не только совершенствование текста закона, но и последовательное внедрение конституционно-сообразного стандарта мышления в деятельность всех публичных органов [10–12; 16; 18].

11. Перспективы совершенствования конституционно-правового механизма реализации прав

Совершенствование конституционно-правового механизма реализации прав человека в России должно осуществляться по нескольким взаимосвязанным направлениям. Во-первых, необходима дальнейшая процессуализация конституционных прав, то есть развитие таких законодательных и административных форм, которые превращают общую конституционную гарантию в понятный алгоритм действий для гражданина. Речь идет о снижении избыточных формальностей, унификации требований к документам, сокращении числа межведомственных барьеров и внедрении презумпции доверия к заявителю там, где это не противоречит публичному интересу [4–6; 15].

Во-вторых, требуется укрепление доступности судебной защиты. Это предполагает не только совершенствование процессуального законодательства, но и развитие сервисов навигации по судебной системе, расширение возможностей получения первичной бесплатной юридической помощи, стандартизацию понятных форм процессуальных документов, а также минимизацию случаев, когда формальные дефекты обращений приводят к фактическому лишению человека доступа к правосудию [5; 7; 12].

В-третьих, особое значение имеет укрепление роли Конституционного Суда Российской Федерации

и распространение конституционной аргументации в текущем правоприменении. Правовые позиции Конституционного Суда не должны восприниматься как узкоспециальные решения для профессионального сообщества. Они должны становиться рабочими ориентирами для судов общей юрисдикции, органов исполнительной власти, муниципальных структур, а также для разработчиков цифровых государственных сервисов. Только в этом случае конституционный стандарт реализации прав станет повседневным, а не исключительным [2; 10–12; 16; 18].

В-четвертых, необходимо развивать внесудебные механизмы защиты — институт Уполномоченного по правам человека, систему бесплатной юридической помощи, формы общественного контроля, процедуры медиации в публично-правовых спорах. Их усиление важно не как замена суда, а как средство раннего реагирования на нарушение права и снижения конфликтности отношений между личностью и государством [3; 5; 6; 13].

В-пятых, важнейшим направлением является обеспечение реальной инклюзивности цифровой трансформации публичной власти. Любая цифровизация должна проектироваться с учетом потребностей пожилых граждан, инвалидов, жителей удаленных территорий, лиц с низкой цифровой грамотностью. Система реализации прав человека не может строиться по принципу цифровой нормы и офлайн-исключения; напротив, именно офлайн-альтернативы и очная поддержка должны рассматриваться как обязательный элемент конституционно совместимой цифровой среды [4; 5; 13; 17].

Заключение

Таким образом, конституционно-правовые основы реализации прав человека в России имеют многоуровневый характер. Их ядро составляют ценностные положения Конституции Российской Федерации о высшей ценности человека, прямом действии прав и связанности ими государства; их институциональное развитие обеспечивают суды, Конституционный Суд Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека, процедуры обращения, общественный контроль и система бесплатной юридической помощи; их динамическое содержание формируется через правовые позиции высших судебных инстанций [1–18].

Вместе с тем именно на стадии реализации обнаруживается главное противоречие современного российского конституционализма: между высокой нормативной плотностью гарантий и неравномерной, иногда затрудненной процедурной доступностью этих гарантий для конкретного человека. Поэтому дальнейшее развитие конституционного механизма защиты прав должно быть связано с упрощением доступа к правосудию, укреплением процедурных гарантий, снижением формализма, повышением качества юридической помощи и утверждением в правоприменении приоритета достоинства личности как стержневого начала всего конституционного строя [1; 5; 7; 10–18].

Российская Конституция уже содержит мощный нормативный потенциал для обеспечения прав и свобод. Ключевая задача сегодняшнего этапа состоит в том, чтобы этот потенциал был полноценно реализован в законе, в административной процедуре, в судебной практике и в повседневной деятельности публичной власти. Только при таком условии права человека будут выступать не декларативным символом, а реально действующим основанием правового статуса личности в Российской Федерации [1; 14–18].

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.02.2026).
- [2] О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. URL: <https://www.szrf.ru/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [3] Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ // Российская газета.
- [4] О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Российская газета. 2006. 5 мая.
- [5] О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.
- [6] Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.
- [7] О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/ (дата обращения: 18.02.2026).
- [8] О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/ (дата обращения: 18.02.2026).
- [9] Официальное сообщение о прекращении участия Российской Федерации в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод с 16 сентября 2022 г. // Совет Европы.
- [10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2025 г. № 43-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/

ru/document/cons_doc_LAW_520623/ (дата обращения: 18.02.2026).

[11] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2026 г. № 4-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_525729/ (дата обращения: 18.02.2026).

[12] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2026 г. № 6-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_526323/ (дата обращения: 18.02.2026).

[13] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org> (дата обращения: 18.02.2026).

[14] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. 864 с.

[15] Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2016. 527 с.

[16] Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 447 с.

[17] Лукашева Е. А. Права человека. М.: Норма, 2011. 559 с.

[18] Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2005. 284 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date accessed: February 18, 2026).

[2] On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. URL: <https://www.szrf.ru/> (date accessed: February 18, 2026).

[3] On the Human Rights Commissioner of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of February 26, 1997 No. 1-FKZ // Rossiyskaya Gazeta.

[4] On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation: Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2006. May 5.

[5] On free legal aid in the Russian Federation: Federal Law of November 21, 2011 No. 324-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6725.

[6] On the fundamentals of public control in the Russian Federation: Federal Law of July 21, 2014 No.

212-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 30 (Part I). Art. 4213.

[7] On Certain Issues of the Application of the Constitution of the Russian Federation by Courts in the Administration of Justice: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 1995, No. 8 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/ (accessed: February 18, 2026).

[8] On the Application of General Jurisdiction Courts of General Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 10, 2003, No. 5. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/ (accessed: February 18, 2026).

[9] Official announcement on the termination of the Russian Federation's participation in the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms as of 16 September 2022 // Council of Europe.

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 4 December 2025 No. 43-P // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520623/ (date of access: 18.02.2026).

[11] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 3 February 2026 No. 4-P // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_525729/ (date of access: 18.02.2026). [12] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 11, 2026, No. 6-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_526323/ (date of access: February 18, 2026).

[13] Report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation for 2024 // Official website of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation. URL: <https://ombudsmanrf.org> (date of access: February 18, 2026).

[14] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia: Study Course: in 2 volumes. 7th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma, 2021. 864 p.

[15] Bondar N. S. Judicial Constitutionalism: Doctrine and Practice. 2nd ed., revised. Moscow: Norma, 2016. 527 p.

[16] Vitruk N. V. General Theory of the Legal Status of an Individual. Moscow: Norma, 2008. 447 p.

[17] Lukasheva E. A. Human Rights. Moscow: Norma, 2011. 559 p.

[18] Ebzееv B. S. Man, People, State in the Constitutional System of the Russian Federation. Moscow: Legal Literature, 2005. 284 p.